

НЕИЗДАННОЕ СЛОВО БЛЖ. СИМЕОНА МЕТАФРАСТА НА ПРЕСТАВЛЕНИЕ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА ПО РУКОПИСИ MONAC. GR. 226, XIII В.

А. Ю. ВИНОГРАДОВ
(ИВИ РАН, ПСТГУ)

В настоящей статье публикуется текст неизданного слова Симеона Метафраста на преставление св. апостола Иоанна Богослова. Этот памятник имеет большую ценность как свидетельство константинопольского почитания святого и связанного с ним богослужения в X в., а также как прежде не известный образец риторического творчества блж. Симеона Метафраста.

Текст настоящего слова (ВНГ 932g) сохранился в единственной бумажной рукописи — Monac. gr. 226, XIII в. Fol. 106–108¹, не лишенной некоторых огрехов и итацистических ошибок. Впрочем, еще в одной рукописи, хранящейся в Иерусалиме (Hier. Sab. 30, X–XI вв. Fol. 29–38), имеется житие святого с тем же окончанием (ВНГ 918h). Но поскольку наше слово имеет разработанную и законченную структуру, то, вероятно, в иерусалимской рукописи мы имеем дело с соединением какого-то неизвестного жития с публикуемым ниже текстом — однако ввиду недоступности нам иерусалимского списка воздержимся от дальнейших спекуляций.

В мюнхенском же сборнике — точнее, в его агиографической части, — произведение переписано после трех других метафрастовских текстов. Его отличает сложная композиция с симметрической структурой и зеркальным параллелизмом:

риторический пролог и палестинская часть жизнеописания (§ 1) — прижизненное чудо (§ 2) — преставление (§ 3; сюжет праздника и центр повествования) — посмертное чудо (§ 4; параллель к § 2) — эпилог в виде молитвы (§ 5; параллель к § 1).

¹ *Catalogus codicum hagiographicorum graecorum Germaniae, Belgiae, Angliae* / C. Van de Vorst, H. Delehaye, eds. Bruxelles, 1913. P. 112–113. (*Subsidia hagiographica*; 13); *Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche*. Leipzig, 1951. Bd. 3. S. 1028. (TU; 52).

Этот момент, а также античные реминисценции (троянский конь), ссылки на древних историков (точнее не устанавливаемых), придворный характер свидетельствуют в пользу авторства Симеона Метафраста². Чтобы разобраться в вопросе о датировке, проанализируем второе чудо (§ 4), наиболее интересное как само по себе, так и с точки зрения литургики.

Вначале ответим на несколько вопросов, касающихся описанных здесь константинопольских реалий. О каком храме св. Иоанна Богослова идет речь в тексте? Несмотря на небольшое искажение названия в мюнхенской рукописи, речь, несомненно, идет о храме ап. Иоанна *ἐν τῷ Διηπίῳ*³. Такая идентификация подтверждается и рядом косвенных доказательств: во-первых, этот храм расположен неподалеку от остальных мест действия (Халкийский храм, Меса), во-вторых, именно там совершал праздник преставления ап. Иоанна императорский двор, наконец, в-третьих, завершение (или, согласно Жанену, возобновление) постройки этого храма связано с императором Романом Лакапином (920–944 г.), в правление которого и произошло чудо. Вполне естественно, что при Романе двор отмечал праздник св. Иоанна Богослова в достроенном или возобновленном им храме в Диипие: данная императору в тексте характеристика *τοῦ διὰ τοῦ ξυλίνου ἵππου εἰς τὰ βασιλεία ἐλάσαντος* может обыгрывать название церкви — «У двух коней». Но у этих слов есть, очевидно, и политический подтекст: верный Македонской династии автор указывает на незаконное восшествие Романа на престол (при помощи «троянского коня» — брака своей дочери с Константином VII Багрянородным), что было бы возможно только после кончины того. Таким образом, *terminus post quem* для нашего текста — 944 г. Вполне вероятно, что изящным намеком на прежнего узурпатора Симеон мог скрыто жалить и кого-то из его последователей — Никифора Фоку или Иоанна Цимисхия. В любом случае, публикуемый энкомий написан до 981 г., когда Симеон был отстранен от двора.

Интересно, что Роману приписывается постройка и другого упомянутого в тексте храма — Спасителя над воротами Халки. Мы снова имеем дело с популярными святынями определенного правления. Весь маршрут Неофита (героя повествования) выглядит следующим образом: он выходит из церкви в Диипии, расположенной где-то рядом со Св. Софией в начале Месы, идет к воротам Халки и, наконец, поднимается по Месе к форуму — так объясняются слова «стал возвращаться».

² Сомневался в этом, хотя и признавая неверифицируемость этого, только Эрхард, см.: *Ehrhard*. Op. cit. 1938. Bd. 2. S. 702, Anm. 4. (TUI; 51).

³ *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantine. P., 1969. T. 3. P. 264–267.

Богослужение, на котором присутствовал Неофит — это, скорее всего, утренняя, на которую он пришел затемно — возможно, прежде чем отправиться на свою работу. По-видимому, указание Константинопольского синаксаря⁴ о том, что на праздник ап. Иоанна «синаксис совершается в честном апостолейоне рядом с Великой Церковью» относится не к храму Апостолов, а именно к храму в Дииппии, находившемуся рядом со Св. Софией. Богослужение имело весьма торжественный, протяженный характер — уйдя после «третьей песни», помолившись в Халкийском храме и встретив на Месе незнакомца, Неофит говорит ему, что в Дииппии исполняется только «четвертая песнь».

О каких «песнях» идет речь в энкомии? Скорее всего, имеется в виду третья песнь гимнографического канона — жанра, который в эпоху создания публикуемого слова получил огромное распространение в Православной Церкви. Впрочем, речь может идти и не о каноне, а об одном из составлявших песенный чин утрени антифонов — в Константинополе X в. песенное последование еще вовсе не было вытеснено суточными службами монастырских (палестинской и студийской традиций). Интересно, что из энкомия прямо следует, что богослужение в Константинополе и Эфесе, если и не совершалось одновременно, то, по крайней мере, считалось совершающимся одновременно.

Подводя краткий итог, нужно отметить, что слово Симеона отражает ситуацию константинопольского, придворного почитания ап. Иоанна Богослова, более того, предназначено именно для императорского двора и апеллирует к реалиям и событиям, хорошо знакомым читателям и слушателям слова.

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ СЛОВА

M — Cod. Monac. gr. 226, s. XIII. Fol. 106–108

Συμεὼν μαγίστρου τοῦ λογοθέτου λόγος εἰς τὴν μετάστασιν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου θεολόγου

Οἱ πρὸς τοὺς ἀξίους τὰς προτάσεις τῶν ἐγκωμίων ἐπάγοντες εὐκλεῶς τούτων τὰς ἀριστείας ἀποσεμνύνουσι, καὶ ὧν μὲν τὸ θεωρητικόν, ὧν δὲ τὸ πρακτικόν, τινῶν δὲ καὶ τὸ καρτερικὸν ἐπάθλους προτέρημα ἀνεγράψαντο. Οἷς δὲ ἅπας ὁ βίος ἐγκώμιον, ὡς καὶ αὐτὸ τούτοις πλεονεκτῆσαι τοῦ θανάτου τὸ κέντρον, τίς λόγος ἀφίκοιτο εἰς ἐγκωμίων ἀφήγησιν; “Ὡσπερ γὰρ τῶν κατ’

⁴ SEC. Col. 82.

οὐρανὸν θεαμάτων ὑπερέχεται πάντων ὁ ἥλιος, οὕτως καὶ τοῖς ἀπὸ γῆς χειρὶ θεοῦ τιμηθεῖσιν πάντων ὁ θεολόγος ὑπερέχει ἐν καθορθώμασι, διὸ καὶ ἀδοῦ [Fol. 106^v] λωτος τῷ θανάτῳ μέχρι δευτέρας τοῦ φανέντος ἐλεύσεως ἀποδεικνύται, οὐ χάριν καὶ λόγων ἐγκωμίων ὑπέκκειται· εἰπεῖν δὲ μᾶλλον ἡμᾶς χρεῶν τὴν ἐξ αἵματος τούτου καὶ σαρκὸς ἀποκούσιν, εἴ γε συγχωρεῖ τῷ λόγῳ σαρκικὸν καλεῖν τὸν ἀσώματον, οὐδὲ γὰρ φύσιν οὗτος οἶδεν δουλεῖν τοῦ σώματος ὁ ἐν σαρκὶ ζῶν καὶ τὰ σαρκὸς μὴ δεόμενος. Ἄλλ' ἐπεὶ περ ἀδύνατον μὴ χωρὶς αἵματος τὴν εἰσαγωγὴν ἔχειν εἰς τὸν κόσμον τὸν ἄνθρωπον, ἀλλὰ μὴν καὶ γεννήτορας διὰ τοῦτο ἐπάγεσθαι, φέρε καὶ ἡμᾶς τοῖς οὐκ εἰδόσιν τοὺς φυέντας τοῦ μακαρίου τὸν αὐτὸν ἐπιστήθιον ἐπιδείξωμεν. Ζεβεδαῖος σὺν τῇ Σαλώμῃ τοῦτον ἀπέτεκεν, εἶναι δὲ λέγεται τὴν Σαλώμην τὴν θυγατέρα τοῦ μνήστορος Ἰωσήφ· καὶ εἴ τις τῶν κατὰ σάρκα κατακολουθήσει ἐν λόγῳ, εὐρήσει τὸν θεολόγον Ἰωάννην ἐκ τοῦ μνήστορος Ἰωσήφ συγγενὴν τοῦ κυρίου τυγχάνοντα, ὅμως τὴν ἀλιευτικὴν ἐμπορευσάμενος σύντροφον δι' αὐτῆς τῷ ἀρχιτέκτονι Χριστῷ προσωκείωται. Ἐκεῖθεν ἀπανθλήσας δαισιλῶς τῶν χαρισμάτων τὰνάματα καὶ σαρκὸς ὅλως ἔξω γενόμενος τῶν ἐμπαθῶν ὀρέξεων τὰς ἄρκυας διέφυγεν καὶ ἐν μετοχῇ τοῦ θείου γενόμενος πνεύματος δι' αὐγῆς ὅλως καὶ φωταυγῆς ἐχρημάτισεν καὶ τὴν ἄνω μυηθεὶς θεοῦ χάριτι γέννησιν τὸ Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος τρανῶς κατεβρόντησεν ἴσον τῷ πατρὶ τὸν υἱὸν ἀποφῆνας παρεκτὸς τῆς γεννήσεως, ὅθεν ἡ σύμπασα κτίσις ἕως τοῦ νῦν, ἀλλὰ καὶ ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος διὰ τοῦ εὐαγγελίου αὐτοῦ καλῶς τῆς ὀρθοδοξίας ἀντέχεται. Ἄλλὰ τίς ἂν ἐφίκοιτο λόγος τῶν αὐτοῦ ἀρετῶν διαγράψαι τὸ πέλαγος ἢ τῆς ψυχῆς τὴν κατάστασιν τῆς τε σαρκὸς τὴν ἀπάθειαν καὶ τοῦ ἠθους τὸ εὔστολον; Διὰ γε ταῦτα καὶ πρὸς τὸ δεσποτικὸν ἀνυποστόλως ἀναπέπτωκεν στῆθος, ἐκεῖθεν ἀπαν[τα] τῆς σοφίας πρὸς ἑαυτὸν μετοχετεύσει τὸ χάρισμα, ὅθεν καὶ ἐπ' ὄρους Θαβῶρ θεοφανείας ἐπόπτῃς ἐγένετο οὐδέποτε τῷ ἑαυτοῦ ἀποδιαστὰς διδασκάλῳ, ὡς γε συνεῖναι τούτῳ καὶ ἐν αὐτῷ τῷ σταυρῷ, παρ' οὐ καὶ τὸ πάσης χάριτος πρὸς Χριστοῦ ἀκήκοεν πρόσρημα· τὸ Ἰδοὺ ἡ μητὴρ σου, τὴν θεοτόκον ὑποδεικνύων τῷ λόγῳ ὁ κύριος τοῦτο ἔλεγεν, καὶ γὰρ ἔκτοτε ταύτην εἰς τὰ ἴδια ἔλαβε μέχρι τῆς πρὸς τὸν υἱὸν αὐτῆς ἐπανόδου. Καὶ, ὡς λόγος εἶπεν, τριῶν εἰς ὁ υἱὸς ἐχρημάτισεν ὁ θεολόγος Ἰωάννης· κατὰ σάρκα μὲν Σαλώμης, κατὰ χάριν δὲ τῆς παρθένου, κατὰ γε τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον υἱὸς βροντῆς ἀνηγόρευται.

Καὶ τὰ μὲν τούτου τερατουργήματα, πλείστα ὄντα καὶ ἐξαισία, διαρρήδη ἐν ταῖς τούτου περιόδοις ἀνακηρύττονται· εἰπεῖν δὲ λέγεται καὶ τι ξένον καὶ ὑπὲρ ἄνθρωπον τερατούργημα, θαυματοργῆσαι δὲ αὐτὸ λέγεται τὸν ἀπόστολον Ἰωάννην τὸν θεολόγον, καθὼς οἱ παλαιοὶ ιστοριογράφοι τισὶν ιστορίαις αὐτὸ ἐσάφησαν. Αἱ δὲ ιστορίαι τοιοῦτον ἔχουσι τὸ διήγημα, ὅτι κρατουμένῳ τινὶ σφόδρα ποτὲ ὑπὸ τίνος δανειστοῦ, [Fol. 107] καὶ μὴ ἔχοντος τοῦ ἀνθρώπου ἀποδοῦναι τι ἐκ τοῦ ποσοῦ τῷ δανειστῇ, προσπεσεῖν λέγεται τῷ μεγάλῳ Ἰωάννῃ τῷ θεολόγῳ λῦσιν ἐπιζητῶν ἐξ αὐτοῦ τοῦ θεολόγου ὑπὲρ τοῦ δανείου.

Ουτος δὲ ὁ ἄνθρωπος, ὁ τὴν ἐπήρειαν ὑφειστώσ, τούτεστιν ὁ τὸ δάνειον χρεωστῶν, ἀγροῖκος ἦν· πρὸς δὲ ὁ μακάριος Ἰωάννης ὁ θεολόγος ἀπεκρίνατο λέγων· Καὶ οὐδοπωσοῦν τί, ὦ ἀδελφέ, ἐκ τοῦ ποσοῦ τοῦ δανείου ἐπιφέρεις; Ὁ δὲ ἀγροῖκος ἐκεῖνος, ὁ καὶ τὸ δάνειον χρεωστῶν, ἀπεκρίνετο μετ' αἰσχύνης πολλῆς λέγων τῷ μακαρίῳ Ἰωάννῃ· Οὐδέν μοι ἐν τῷ βίῳ πάρεστιν, ἅγιε τοῦ θεοῦ, εἰ μὴ τὸ δρέπανον τοῦτο, ὅπερ ἐν τῇ ζώνῃ μου ἐπιφέρω. Καὶ σπλαγχνισθεῖς ἐπ' αὐτὸν ὁ θεολόγος, λαβόμενος αὐτοῦ τῆς χειρὸς εἴσεισιν ἐν τῇ πόσῃ, καὶ τοῦτον τὸν ἀγροῖκον, τὸν καὶ τὸ δάνειον ἀποδοῦναι μέλλοντα, κόψαι παρασκευάσας ἀπόδεσμόν τινα χόρτον, λαβὼν τὸ αὐτὸν χόρτον ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ θεολόγος, ὁ μέγας πατὴρ ἡμῶν καὶ τῆς οἰκουμένης διδάσκαλος, ἠλόγησε τὸν χόρτον ἐπὶ πολὺ καὶ πρὸς οὐρανὸν ἀπειδὼν τὸν δυνάστην θεὸν μετασκευάσαι τὸν χόρτον εἰς χρυσὸν προσεκάλει. Ὁ δὲ θεός, ὁ ποιῶν τῶν αὐτὸν φοβουμένων τὸ θέλημα, χρυσὸν τὸν χόρτον, ὦ τοῦ φοβεροῦ καὶ ἑξαισίου θαύματος, καὶ ἰσοτάλαντον τοῦ δανείου ποιήσας, οὐπερ ὤφειλεν δοῦναι ὁ ἀγροῖκος, μήτε ἐλλείποντα τοῦ δανείου ποιήσας τὸν αὐτὸν χρυσόν, μήτε περιτεύοντα. Ὅντινα χρυσὸν παρασχῶν ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ θεολόγος τὸν ἀγροῖκον, τὸν καὶ προσαιτοῦντα αὐτόν· Χαίρων ἄπιθι ἐν τῷ οἴκῳ σου, ὦ ἀδελφέ, προσεφώνη, τῶν ἀνιαρῶν πρὸς θεοῦ τὴν λῦσιν εὐράμενος. Τότε ὁ ἀγροῖκος ἐκεῖνος ἅμα τῷ λόγῳ τοῦ ἀγίου κλίνας τὴν κεφαλὴν καὶ προσκυνήσας τῷ ἀγίῳ ἐπορεύθη ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ χαίρων ὁμοῦ καὶ δοξάζων τὸν θεόν.

Ἄλλ' ἐπεὶπερ ὁ λόγος ἀμηχανεῖ τῶν κατορθωμάτων αὐτοῦ τὸ μέγεθος ἐξειπεῖν, φέρε ἐπὶ τὴν τούτου μετάστασιν τὸν σκοπὸν ἐπικλίνωμεν καὶ τὸ ξένον ἐπακούσαντες ἄκουσμα, τὸ καθαρὸν ἐκπλαγῶκμεν τοῦ πατρὸς τε ἰσαγγελον, περὶ ὧν καὶ ὡσπερ ἄσαρκος ἐν τῇ γῆ ἐν τῷ καθαροτέρῳ ταύτης ἔτι χῶρῳ μεθίσταται· ἀλλὰ μὴν καὶ τὸν τόπον τῆς αὐτοῦ μεταστάσεως εἰπεῖν ἡμᾶς ἔστιν οἰκειότερον. Τῶν ἀδελφῶν ὁ ἅγιος Ἰωάννης, ὁ πατὴρ ἡμῶν, τοὺς ἐκκρίτους προσκαλησάμενος· Μικρόν, ἔφη, συνοδεύσατέ μοι πρὸς τι διακονίας ἐκπλήρωμα τὰ τὴν γῆν ἀνατέμνοντα ἐπιφερόμενοι ὄργανα. Καὶ ὡς πρὸς τι διάστημα ἀμφότεροι γεγόνασι τῆς ὁδοῦ τὸν προδηλωθέντα αὐτῷ τόπον καταλαβὼν τοῖς συνεπομένοις αὐτῷ τὴν γῆν ἀνορύττει προσέταξεν. Οἱ τὸ προσταχθέν ἀπαρξάμενοι ἐπιμελῶς τὴν γῆν ἀνεχοῖζον· ὅτε δὲ ἰκανῶς ἔδοξε ἔχειν τούτῳ τῷ ἀποστόλῳ τὴν θέσιν τοῦ ἐκχοίσματος· Ἄπιτε, τοῖς ἀδελφοῖς ὁ ἀπόστολος ἔφη, τῷ κυρίῳ ὠδέ μοι παραθέμενοι. Καὶ κατηφής, ὡσπερ ἐκεῖνοι οἱ ἀδελφοὶ γενόμενοι διὰ τὸ μὴ εἶναι αὐτοὺς [Fol. 107^v] τὸν διδάσκαλον αὐτῶν τοῦ ἴστασθαι ἐκεῖ καὶ βλέπειν αὐτὸν ἀνακλινόμενον ἐν τῇ γῆ ἀποδιαστάντες μακρόθεν, ὅσον βλέπειν καὶ μόνον τοῦτον ἐδύναντο προσκλίνοντα ἑαυτὸν ἐπὶ τὴν διορυγὴν μακρόθεν προσετεκμήραντο. Πρὸς δὲ τὸν συνήθη ὕπνον οἱ ἀδελφοὶ ἐκεῖνοι τοῦτον ὑποτοπάσαντες ἀνακλίνεσθαι εἶασαν αὐτὸν ἐπὶ μικρόν· μετὰ μικρόν δὲ ἀνακάμψαντες οἱ ἀδελφοὶ ἐκεῖνον καινὸν καταλαμβάνουσι τὸν παρ' αὐτῷ κατασκευασθέντα τάφον, καὶ ἐπὶ τοῦτο μεγάλως καταπλαγέντες οἱ ἀδελφοὶ ἀπαναστρέφουσι οἴκοι τὸ θεῖον ἐξιλεούμενοι. Ἄμα γὰρ ἑαυτὸν ὁ ἅγιος

Ἰωάννης τῷ ὑπ' αὐτῶν κατασκευασθέντι τάφῳ ὑπέκλινε, ἀγγελικαῖς ἀοράτως χερσί, ὡσπερ ὁ Ἀββακούμ, ἀνακουφισθεὶς ἐπὶ τὸν αὔλον χώρον μεθίσταται πρὸς κύριον κατ' αὐτὴν τοῦ κυρίου τῆς ἐπαγγελίας τὴν ἐκπλήρωσιν, τὴν λέγουσαν οὕτως πρὸς τῷ Πέτρῳ· Ἐὰν αὐτὸν θέλω μένειν ἕως ἔρχομαι καὶ πρὸς σέ, μένει γὰρ καὶ τὸν ἐρχόμενον κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς, ζῶν ἔτι καὶ τοῖς ἀξίοις πολλαχῶς ἐν διαφόροις ἐποπτάνεται σχήμασιν.

Εἰπὼν ⁵ δὲ κατὰ πρόσωπον τὸ παρὸν τὰ πολλὰ ἔασω διὰ τὸν ὄγκον, ἐπεὶ καὶ εὐγνωσταὶ εἰσι τοῖς πολλοῖς αἱ κατὰ τὸ πρόσωπον τοῦ ἀγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου ὄπτασιαι, ὅμως ἐνὸς γνωριμωτέρου τινὸς καὶ προσφάτου δυηγήματος ἐπιμνησθεὶς ἐξείπω αὐτὸ τοῖς θεοφιλῶς ἀκροωμένοις τῷ διηγήματι. Νεοφυτὸς τις ὀνόματι, καθαρὸν βίον ἐξησκησμένος ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν, κοσμικὸς τὸν [lacuna in M] βασιλικὸς ἄγουρος τῷ ἀξιώματι, καρβουνάριος τῇ τέχνῃ, τὸ δὲ τούτου ἐπιτήδευμα ἦν τοῦ αἰεὶ ἐψέιν αὐτὸν τὰ τῶν βασιλέων προσφάγια, ἐν ταῖς ἡμέραις Ῥωμανοῦ ἀνακτος, τοῦ διὰ τοῦ ξυλίνου ἵππου εἰς τὰ βασίλεια ἐλάσαντος, τὸν ἐν τῷ Δηπιώνα ναὸν τοῦ ἀγίου Ἰωάννου τοῦ θεολόγου καταλαβὼν ἀωρί, τῆς ἀποστολικῆς πανηγύρεως ἀγομένης, καὶ τὴν τρίτην τῆς ἐωθίνης ὑμνωδίας ὠδὴν ἐκέισε διαπεράνας, πρὸς τὸν σεβάσμιον τῆς Χαλκῆς οἶκον τοῦ Σωτήρος ἀπήρην καὶ τὴν εὐχὴν ἀποδοῦς ἐκέισε ὑποστρέφων εἶχετο τῆς ὁδοῦ ἐπὶ τοῦ φόρου τὸ ἄναπτες. "Ὡτινι προσπαντήσας ὡσπερ τις ἱεροπρεπῆς οὕτω πως αὐτὸν κατησπάσατο λέγων· Χαίροις, κύρι Νεόφυτε. Ὁ δὲ Νεόφυτος οὕτω πως πάλιν αὐτὸν ἀντισπάσατο λέγων· Χαράν σοι δώῃ ὁ κύριος. Καὶ ὁ θεολόγος φησὶ πρὸς αὐτόν· Τάδε σοι, ἀδελφέ Νεόφυτε, ὅποια τὰ ἐν τῇ πανηγύρει τοῦ θεολόγου εἰσίν; Καὶ πάλιν ὁ Νεόφυτος λέγει πρὸς αὐτόν· Πανὸν λαμπρὰ ὑπάρχουσι, καὶ ὡς εἰκάζω, τὴν τετάρτην ὠδὴν διαγγέλουσιν. Πάλιν οὖν ὁ ἅγιος Ἰωάννης ὁ θεολόγος λέγει πρὸς αὐτόν· Φανερώς οὕτωςι καγῶ, ἀδελφέ, ἐν Ἐφέσῳ ἄρτι τὴν τετάρτην ὠδὴν ἔασας ἐνταῦθα πάρεμι [Fol. 108] πανηγυρίσων ἐν τῷ ναῷ τούτῳ. Εἰ δέ τις τῶν ὀξυβλεπόντων ἐπαπορρήσει ζητῶν, ὅτου χάριν πιστώσει[s] ὁ ταῦτα λέγων, ὡς αὐτὸν εἶναι τὸν θεολόγον, τὸν τὸν Νεόφυτον προσομιλήσαντα, πρὸς αὐτὸν ἐρῶ ἐπὶ τοὺς ἀξίους πολλάκις αἱ τῶν ἁγίων ἐπιφάνειαι ἐκ προδῆλου προσηγεῖς καὶ θυμιδίας ἀνάμεισται εἰσίν, αἱ δὲ τῶν δαιμόνων ἐπιφοραὶ θρασίαι τινὲς καὶ φόβων ἀνάπλεαι εἰσιν. Οὗτος γὰρ ἔλεγε καὶ διεβεβαιούτο τοῖς πᾶσιν ὁ αὐτὸς Νεόφυτος, ὅτι Ε□χον τὴν τὴν ψυχὴν χαρίεσσαν, καθὼς μοι διελέγετο ὁ φανείς, ὡς οὐποτε ἄλλοτε ἐν πάσῃ τῇ περιόδῳ μου τῆς ζωῆς.

Ἄλλ' ὦ προστάτα τῆς πίστεως καὶ τῆς εὐσεβείας διδάσκαλε καὶ πάσης τῆς ὑψηλίας φωστήρ πανυπέριλαμπρε Ἰωάννη, τῆς ἐκκλησίας θεμέλιε καὶ πάντων τῶν πιστῶν καταφυγὴ καὶ ἀσφάλεια, διὰ τούτων σου τῶν σοφῶν διδαγμάτων τὴν μὲν τῶν αἰρετικῶν κατάβαλλε πλάνην, ἐν δὲ τῇ τιμίᾳ καὶ ὀρθοδόξῳ πίστει πάντας ἡμᾶς διατήρησον, πάντας ἡμᾶς διαφύλαξον,

⁵ Εἰπεῖν M

πάντας ἡμᾶς στήριξον, πάντας ἡμᾶς κράτυνον τὸν λαόν σου διασώζων, τῆς ἐκκλησίας σου προϊστόμενος, τῆς ποιμένης σου προνοούμενος, τῆς δουλικῆς σου ταύτης πόλεως ἀντιλαμβανόμενος, ἡμῶν τῶν ἐκ προγόνων ἀναξίων σου δούλων ἐν πᾶσιν ἀεὶ ὑπὲρ ἡμῶν ὑπερασπίζων καὶ διδάσκων, ὅπως διὰ σοῦ καὶ ἐκ σοῦ καὶ σοὶ τύχωμεν τῶν αἰώνιων ἀγαθῶν καὶ τῆς αἰδίου τῶν οὐρανῶν καθαριθῶμεν βασιλείας χάριτι καὶ οἰκτιρμοῖς καὶ φιλανθρωπία τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

ПЕРЕВОД

Симеона магистра и логофета слово на преставление святого Иоанна Богослова

1. Те, кто обращают к достойным похвальные речи, славно превозносят их достоинства; и для одних они описали заслуги умственного подвига, для других — деятельного, для иных — мужественного. А тем, чья жизнь — целиком похвала, так что они одолели и само жало смерти, какое слово сможет воздать похвалу? Ведь как солнце превосходит все небесные явления, так и Богослов превосходит всех своими свершениями, почтенными рукою Божьей. Поэтому он и оказывается свободным от рабства смерти вплоть до второго пришествия Явившегося, благодаря чему и стоит выше слова похвалы. Нам же следует скорее сказать о его рождении от крови и плоти, если только возможно слову назвать плотским бестелесного, ибо рабство даже природе было неведомо ему, жившему во плоти и в плоти не нуждавшемуся. Однако, поскольку невозможно без крови войти человеку в мир, но необходимо привлечь для этого и родителей, то давайте и мы укажем для не знающих, кто породил самого наперсника Блаженного. Зеведей вместе с Саломией его родили, а Саломия, как говорят, была дочерью Иосифа Обручника. И если кто из людей проследит дальше эту связь, то обнаружит, что Иоанн Богослов является родственником Господа через Иосифа Обручника; впрочем, занявшись рыбной ловлей, благодаря ей становится совоспитанником строителю Христу. Почерпнув, благодаря этому, обильно из источников дарований и став целиком вне плоти, он избег сетей страстных желаний и, причастившись божественному Духу, благодаря этому стяжал и сияние и, познав Божьей милостью высшее рождение, ясно возгремел: «В начале было Слово», явив, что равен Отцу Сын помимо рождения, откуда все творение не только доньше, но и до скончания века, благодаря его благовестию, твердо придерживается Православия. Но какое слово сможет описать море его добродетелей или устройство души, бесстрастность плоти и благоустроенность нрава? Благодаря

же этому он и к Владычней безбоязненно припал груди и оттуда получит для себя весь дар премудрости, отчего и на горе Фавор стал зрителем Богоявления, никогда не отлучаясь от своего Учителя, так что был с Ним и у самого Креста, у которого и услышал от Христа всерадостное слово: «Вот мать твоя», – показывая на Богородицу, сказал это Господь, и с тех пор ведь взял он Ее к себе до Ее возвращения к Сыну. И, как повествует рассказ, общим сыном оказался Иоанн Богослов сразу для трех: по плоти – Саломии, по благодати – Девы, а по Духу Святому «сыном грома» был назван.

2. Его чудотворения, многочисленные и удивительные, ясно описаны в его хождениях – рассказывают же и о некоем странном и сверхъестественном чуде, а совершил его, по рассказам, апостол Иоанн Богослов, как это объявляют древние историографы в неких историях. А истории содержат рассказ о том, что один человек, будучи сильно притесняем неким заимодавцем и не имея отдать ничего из суммы долга, припал, как повествуют, к великому Иоанну Богослову, ища у самого Богослова спасения в отношении долга. Этот человек, подвергнувшийся несчастью, то есть взявший в долг, был крестьянин. Ему блаженный Иоанн Богослов ответил: «Нисколько, о брат, из суммы долга не можешь принести?» А этот крестьянин, который взял в долг, ответил с большим стыдом блаженному Иоанну: «Нет у меня ничего на свете, святой Божий, кроме этого серпа, который я ношу у себя на поясе». И, сжалившись над ним, Богослов взял его за руку, привел его на луг и этому крестьянину, который должен был отдать долг, приказал срезать пучок травы. Взяв эту траву, святой Иоанн Богослов, великий отец наш и учитель вселенной, долго благословлял траву и, посмотрев на небеса, попросил Владыку Бога превратить траву в золото. А Бог, исполняющий желание боящихся Его, сделал золотом траву – о страшное и удивительное чудо! – причем равным по весу долгу, который должен был отдать крестьянин, ни меньше, ни больше. Отдав это золото, святой Иоанн Богослов обратился к крестьянину, который просил его: «Радостно ступай к себе домой, о брат, найдя у Бога избавление от бед». Тогда этот крестьянин одновременно со словом святого преклонил голову и, поклонившись святому, отправился к себе домой, радуясь и славя Бога.

3. Но поскольку слово бессильно высказать величие его деяний, давайте преклоним наш взор к его преставлению и, послушав странную историю, поразимся чистоте ангелоравного отца, почему и каким образом он, бесплотный, в земле преставился в ее еще более чистое место; однако же и место его преставления нам уместно упомянуть. Святой Иоанн, отец наш, призвав избранных братьев, сказал:

«Немного пройдитесь со мной, взяв с собой для исполнения одного дела инструменты для копания земли». И когда они прошли некоторое расстояние по дороге, он, достигнув предуказанного ему места, повелел своим спутникам рыть землю. Они, принявшись за приказанное, прилежно стали копать землю. А когда размер углубления показался апостолу достаточным, он сказал братьям: «Ступайте, оставив меня здесь Господу». И затем, когда братья отошли подальше, как бы их учитель не увидел, что они стоят и смотрят, как он склонился к земле, по их свидетельству, они могли лишь видеть, как он лег в яму. Подозревая, что он прилег, как обычно, поспать, братья оставили его ненадолго, а затем, вскоре поднявшись, братья достигают этой новой, приготовленной им могилы, и, пораженные этим, братья возвращаются домой, утешенные свыше. Ведь одновременно с тем, как святой Иоанн лег в приготовленную ими могилу, он, перенесенный незримо ангельскими руками, как Аввакум, в невещественную страну, преставился ко Господу согласно исполнению обещания Господа, так говорящего Петру: «Если хочу, чтобы он оставался, пока не приду и к тебе», ведь он ожидает и Грядущего судить живых и мертвых, все еще живой, и часто является достойным в различных облициях.

4. Рассказав же перед всеми это, многое я опушу из-за объемности; хотя и хорошо известны многим явления святого Иоанна Богослова, однако, напомнив один очень известный и недавний рассказ, я поведаю его боголюбиво внимающим этому рассказу. Некто по имени Неофит, изначально и с юности подвизавшийся в чистой жизни, в миру ... по должности императорский отрок, по профессии угольщик (а это занятие давало ему возможность постоянно питаться императорскими яствами), во дни государя Романа, пробравшегося на царство при помощи деревянного коня, достиг ночью храма святого Иоанна Богослова в Диипие, когда совершался праздник апостола, и, дождавшись там конца третьей песни утреннего песнопения, пошел в честной Халкийский храм Спасителя и, произнеся там молитву, стал возвращаться вверх по дороге на форум. Встретился ему словно некий священнолепный человек и, неким образом поприветствовав его, говорит: «Радуйся, господин Неофит». А Неофит поприветствовал его в ответ: «Радость да даст тебе Господь». И Богослов говорит ему: «Брат Неофит, что там у тебя на празднике Богослова?» Неофит ему отвечает: «Всё там очень блистательно, и, как я полагаю, возвещают сейчас четвертую песнь». Тогда снова спрашивает его Иоанн Богослов: «Совершенно так же и я, брат, оставив только что в Эфесе четвертую песнь, прибыл сюда, чтобы отпраздновать в этом храме». Если кто-то зоркий придет в недоумение, думая, почему это должен

внушать доверие говорящий, что Богослов тот, кто беседовал с Неофитом, то такому я скажу, что частые явления святых достойным, очевидно, приятны и полны радости, а нападения бесов ужасны и полны страха. Ведь говорил и заверял всех сам Неофит, что «Радовалась душа моя, когда говорил со мной явившийся, как никогда в течение моей жизни»

5. Но, о предстатель веры, учитель благочестия и всего поднебесного мира всесиятельнейшее светило Иоанн, основание Церкви и всех верных прибежище и твердыня, этими мудрыми учениями своими ниспровергай еретическое заблуждение, всех же нас соблюди в честной и православной вере, всех нас сохрани, всех нас укрепи, всех нас утверди, сохраняя народ свой, предстоя святой своей церкви, промышляя о стаде своем, заступаясь за этот город – твоего раба, во всем и всегда защищая и уча нас, от предков твоих недостойных рабов, чтобы благодаря тебе, от тебя и для тебя мы стяжали вечные блага и удостоились бесконечного Царствия Небесного, милостью, щедротами и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков, аминь.

UNEDITED HOMILY OF SYMEON METAPHRASTES
ON THE DORMITION OF ST. JOHN THE THEOLOGOS
ACCORDING THE COD. MONAC. GR. 226, XIII C.

A. Y. VINOGRADOV

In the article we publish the text of an unedited homily of Symeon Metaphrastes on the dormition of St. John the Theologos. This source is of importance being a testimony of constantinopolitan cult of the saint in the Xth c. It is also a previously unknown example of the Metaphrastes' rhetoric.